

ству, все свое поведение по отношению к Лизе герой строит не на действительной ситуации, а на своих мечтах о красивом пастушьем мире¹⁸. В определенном смысле он любит не Лизу в ее неповторимо-конкретной реальности, а плод собственного «живого воображения» — свою фантазию. И в дальнейшем он все время выдает желаемое за действительное, например когда, восхищаясь «своей пастушкой» (513), собирается «жить с Лизой как брат с сестрою» (513). Намерение это тут же комментируется повествователем, сразу же обнаруживающим его иллюзорный характер. «Безрассудный молодой человек! Знаешь ли ты свое сердце? Всегда ли можешь отвечать за свои движения?» (513). Эти авторские слова вскрывают в мыслях и следующих за ними словах и поступках Эраста самообольщение, по сути мало чем отличающееся от искренней и неосознанной лжи Хлестакова — лжи не только другим, но и себе самому.

В совокупности со всем вышесказанным это, хочется надеяться, дает основания для сближения Эраста с Хлестаковым — не просто как с определенным персонажем, а как с представителем некоего архетипа. Этот архетип, как можно было заметить, отчетливо проступает и в образе карамзинского героя, позволяя видеть в нем одного из членов данной парадигмы, возможно первого, — своего рода источник всего литературного типа.

4

Факт вхождения Эраста в хлестаковскую персонажную парадигму вовсе не противоречит тому, что герой «Бедной Лизы» — «лишний человек» и к тому же «русский европеец». В нем присутствуют все эти составляющие, и его конкретный образ оканчивается сложным единством разнообразных частей.

Именно единством: характер Эраста не складывается из дискретных элементов, по отдельности заимствованных у различных архетипов; он внутренне весьма целен, но главные его особенности одновременно отсылают к разным парадигмам. В этом нетрудно убедиться — «культурность» его сознания, с одной стороны, делает его «русским европейцем», именно благодаря ей действительность эстетизируется героем. Но, с другой стороны,

¹⁸ О роли идиллии в «Бедной Лизе», в частности о воздействии идиллических представлений на характер Эраста см. *Кросс А.* Разновидности идиллии в творчестве Карамзина // *Державин и Карамзин в литературном движении XVIII — начала XIX века*. Л., 1969. С. 210–228 (XVIII век. Сб. 8), *Ляпушкина Е. И.* Русская идиллия XIX века и роман И. А. Гончарова «Обломов». С. 54–63.